

Фишер Анжелика Николаевна, Федоров Роман Юрьевич

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ КАК
ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Опираясь на обобщение материалов экспедиционных исследований, в статье предпринята попытка рассмотрения традиционной культуры потомков белорусских крестьян, поселившихся на территории Сибири в период массовых крестьянских переселений второй половины XIX - начала XX в. в качестве этноментального комплекса, включающего как элементы традиционной культуры, так и ценностные установки и механизмы самоидентификации этноса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/9/63.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (64). С. 213-216. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Для обеспечения успеха в конкурентной борьбе с другими конкурирующими предприятиями представляется нецелесообразным снижать цены на оказываемые работы и услуги. Более разумным кажется подойти к этой проблеме «с другого конца» и увеличить рентабельность предприятия путем уменьшения себестоимости проводимых работ и оказываемых услуг.

Список литературы

1. Аветисян М. В., Ашальян Л. Н., Колосова Г. М., Женжебир В. Н., Филатов В. В. Методика формирования на предприятиях системы мониторинга и управления рыночной стоимостью бизнеса // Вопросы экономических наук. 2010. № 6 (45). С. 22-28.
2. Ежов Г. П., Черкасов М. Н. Система и источники финансирования инновационно-инвестиционных проектов в промышленности // Проблемы экономики: научно-теоретический журнал. 2010. Вып. 4. С. 25-28.
3. Идрисов А. Стратегический потенциал компании - основа оценки бизнеса [Электронный ресурс]. URL: http://www.proinvest.ru/cons/analytics/strategic_potential.html
4. Козырь Ю. Доходные модели стоимости [Электронный ресурс]. URL: http://www.cfin.ru/finanalysis/value_revenue.shtml
5. Колчина Н. В. и др. Финансовый менеджмент. М.: Юнити-Дана, 2008.
6. Комментарий к Гражданскому Кодексу РФ, части первой (постатейный) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finmanager.ru/files>
7. Кудрявцев А. А. Интегрированный риск-менеджмент. М.: Экономика, 2010.
8. Лукасевич И. Я. Финансовый менеджмент. М.: Эксмо, 2008.
9. Манаева О. А. Инструменты измерения и методы управления экономическим потенциалом промышленной организации: дисс. ... к.э.н. Волгоград, 2007. 247 с.
10. Миндич Д. В. Финансы растущего бизнеса. М.: Эксперт РА, 2007.
11. Михайлов В. Расчет стоимости бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bizoffice.ru/>
12. Нечай М. Г., Гринкевич А. С. Создание эффективной системы мониторинга финансовой устойчивости предприятий // Финансы и кредит. 2009. № 34. С. 8-15.
13. О реформе предприятий и иных коммерческих организаций [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 30 октября 1997 г. № 1373. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=16639>
14. Проект финансовой (бюджетной) стратегии РФ на период до 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minfin.ru/materials/3/2010/2/5.html>
15. Региональные финансы: опыт, стратегия, перспективы / под ред. А. В. Дорждева, Д. Ю. Завьялова. М.: Финансы, 2008.
16. Сайт Мосгорстата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moscow.gks.ru>
17. Фадеева Е. А. Эффективное управление финансами // Проблемы экономики: научно-теоретический журнал. 2010. Вып. 4. С. 34-35.

УДК 39

Культурология

Опираясь на обобщение материалов экспедиционных исследований, в статье предпринята попытка рассмотрения традиционной культуры потомков белорусских крестьян, поселившихся на территории Сибири в период массовых крестьянских переселений второй половины XIX - начала XX в. в качестве этноментального комплекса, включающего как элементы традиционной культуры, так и ценностные установки и механизмы самоидентификации этноса.

Ключевые слова и фразы: Белорусы в Сибири; аграрные переселения; традиционная культура; этноментальный комплекс.

Анжелика Николаевна Фишер, к. искусствоведения
*Кафедра теории музыки и музыкального образования
Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий
angela_fisher@mail.ru*

Роман Юрьевич Федоров, к. филос. н.
*Институт криосферы Земли
Сибирское отделение Российской академии наук
r_fedorov@mail.ru*

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ КАК ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)©

Работа поддержана грантом РГНФ № 12-21-01000 а(м).

Одним из условий адекватного понимания принципов сохранения или трансформаций традиционной культуры белорусских крестьян, переселившихся в Сибирь во второй половине XIX - начале XX в., является ее

рассмотрение в качестве этноментального комплекса. Данный подход, прежде всего, подразумевает взаимосвязанное изучение не только традиционной культуры этноса, но и его специфических мировоззренческих и ценностных установок, которые он приобретает, оказавшись в новом природном и этнокультурном окружении.

Попав в Сибирь, белорусские крестьяне пережили серьезные трансформации самоидентификации. Рассказы большинства информаторов свидетельствуют о том, что среди их предков первоначально решающую роль играли региональные факторы идентичности. К примеру, информатор Василий Родиков, 1929 г.р. из деревни Татьяновка Шегарского района Томской области отмечал, что поселившиеся в его родной деревне выходцы из Белоруссии разделяли друг друга на «минских» и «витебских», по губерниям, откуда они были родом. Основные различия этих групп он объяснял особенностями произношения отдельных звуков, различиями в проведении праздников и обрядов, а также декоративных мотивов одежды и рушников. Данную ситуацию можно назвать типичной ввиду того, что подобные рассказы были зафиксированы нами среди потомков белорусских переселенцев, проживающих в многих других регионах Сибири.

Изначальное преобладание региональной, а не национальной самоидентификации поселившихся в Сибирь белорусов во многом объяснимо тем, что национальное этническое самосознание на территории самой Белоруссии в период массовых крестьянских переселений в большей степени формировалось в городской среде, тогда как среди белорусских крестьян продолжал оставаться характерным феномен «тутэйшыны», когда отвечая на вопрос о своей национальной принадлежности, они не могли дать ясного утвердительного ответа, соотнося себя лишь с местом, в котором они живут [2, с. 15]. Помимо регионального принципа самоидентификации, оказавшись в Сибири, белорусы нередко получали самоназвания, отражающие их особый новопоселенческий статус. На территории Западной Сибири среди подобных самоназваний наиболее часто можно встретить слово «самоходы» [5].

Называть себя белорусами большинство потомков переселенцев начали достаточно поздно. По рассказам информаторов, наиболее часто их осознанию себя белорусами способствовали оставшиеся родственные связи на родине предков, поездки к ним в гости. Информатор Нина Докучиц (Самосюк), 1937 г.р., родившаяся и проживающая в деревне Тургеневка Баяндаевского района Иркутской области так охарактеризовала ситуацию, в которой она стала считать себя белорусской: *«Я в детстве не знала, что я белоруска. Родители всегда называли свою родину (Гродненскую губернию - прим. автора) «Россией». По документам я была русской. Осознание своей национальной принадлежности пришло тогда, когда я поехала после школы работать швеей в ателье в тогдашний окружной центр Усть-Орду. Там все обращали внимание на мой говор. Как я ни старалась, но не могла говорить как остальные. Надо мной хохочут бурятки, что-нибудь у меня все равно выскочит при разговоре. Я и сама до этого не понимала, что говорю неправильно. Я потом вернулась домой и спросила у родителей, в чем дело. Бабушка говорит - «потому что мы нездешние, мы приехали с Белоруссии». Это было в 1950-х годах перед моим замужеством. Дед и бабушка говорили на чистом белорусском. А у нас уже язык сломался (стали говорить на трясянке - прим. автора)».*

Наряду с сохранением самоидентификации, в среде белорусских переселенцев активно шли процессы ассимиляции в новом этнокультурном окружении, нередко приводившие к полному растворению в нем. На процессы ассимиляции или сохранения этнической культуры во многих случаях решающее влияние оказывали принципы расселения, сложившиеся в местах проживания переселенцев.

На основе обобщения материалов экспедиционных исследований нами была выдвинута гипотеза о корреляции моделей расселения белорусов в Сибири и принципов их этнокультурной самоидентификации. Противопоставление старожильческих и новопоселенческих крестьянских общин, основанное на мировоззренческой оппозиции «свой - чужой» не только препятствовало быстрой ассимиляции белорусских переселенцев на новом месте, но в некоторых случаях даже способствовало усилению их этнокультурной самоидентификации. В тех случаях, когда в этническом окружении доминировали старожила Сибири - чалдоны или старообрядцы, белорусы, как правило, стремились создавать обособленные от них хутора и деревни, избегая хозяйственных и культурных контактов со старожилами. Иная ситуация складывалась в тех малоосвоенных районах, в которых удельный вес переселенцев значительно превышал долю старожильского населения. В рассказах проживающих в них потомков выходцев из Белоруссии значительно реже встречаются упоминания о противопоставлении себя иноэтничной среде. Напротив, в этих случаях нередко можно встретить примеры этнокультурной консолидации между переселенцами разных национальностей, имеющей место во многих смешанных деревнях, рассмотренных в ходе экспедиционных исследований.

Можно выделить две основные модели корреляции принципов расселения и этнокультурной самоидентификации потомков белорусских переселенцев, доминирующие на территории Сибири. Первую модель можно охарактеризовать следующей ситуацией. Первоначально группы белорусских переселенцев, прибывшие в Сибирь во второй половине XIX - начале XX вв., основывали собственные компактные поселения, образующие кусты деревень или хуторов. На первых порах в них продолжали доминировать традиционная культура и принципы хозяйствования, привнесенные из мест выхода переселенцев. Однако в период политики коллективизации, продолжавшийся с конца 1920-х до начала 1940-х гг., население многих подобных поселений начало насильственно сбиваться в крупные колхозные поселки. В них, как правило, имели место процессы разрушения традиционного жизненного уклада переселенцев, со временем приводившие к все большему размыванию граней их этнокультурной самоидентификации. Сегодня для поселений подобного типа характерна высокая степень ассимиляции потомков белорусских переселенцев (Манский район Красноярского края, Шегарский район Томской области, Тарский и Муромцевский районы Омской области и

др.). Иная модель характерна для «переживших» эпоху коллективизации кустов небольших белорусских деревень, сохранившихся на территории Урала и Сибири до наших дней. Будучи окружены иной этнокультурной средой (на территории Западной Сибири в ее роли наиболее часто выступали чалдоны и старообрядцы, на Южном Урале - башкиры, Северном Урале - манси, Прибайкалье - буряты), потомки белорусских переселенцев продолжали жить достаточно обособленными общинами, в которых на протяжении жизни трех-четырех поколений сохранялась высокая степень этнокультурной самоидентификации, сопровождаемая воспроизводством многих региональных особенностей материальной и духовной культуры, присущих местам выхода переселенцев (Баяндаевский район Иркутской области, Викуловский район Тюменской области, Петуховский район Курганской области и др.).

Результаты проведенных нами полевых исследований подтверждают предложенные Е. Ф. Фурсовой поселенческие модели, характеризующие ситуации вытеснения, перманентности и стабильности (однородности), обусловленные процентным соотношением старожильского населения и переселенцев в той или иной деревне [1, с. 350-352].

В духовной культуре потомков белорусских переселенцев, проживающих сегодня в Сибири, можно проследить стойкое воспроизводство отдельных традиций, привнесенных их предками из мест выхода. В частности, в жизни деревень, основанных белорусскими переселенцами, важную роль играют народные православные традиции. В прошлых публикациях нами был подробно описан и сравнен с прототипами, существовавшими в местах выхода переселенцев, обряд почитания и переноса иконы «Свеча», принадлежащей общине деревни Осиновка Викуловского района Тюменской области [3; 4]. В Сибири, ввиду удаленности многих деревень от храмов, а позднее - атеистической политики государства, проводимой в годы советской власти, многие народные православные традиции белорусских переселенцев продолжали оставаться достаточно стойкими и получили целый ряд специфических вариаций. Даже сам момент приобщения человека к христианской вере мог отличаться от установленных в православной церкви канонов. Так, в ряде белорусских деревень Викуловского района Тюменской области нами был зафиксирован обряд погружения, исполнявшийся в случае отсутствия возможности крестить младенца в церкви. Информатор Анфиса Денисенко, 1928 г.р., проживающая в деревне Осиновка Викуловского района Тюменской области, отмечала, что она не крещенная, а «погруженная», подчеркивая этот особый статус. Обряд погружения ей описывался так: *«Когда крестят ребенка, то в доме ставят корытце деревянное, какая-нибудь уважаемая в деревне бабушка окунает в него ребенка, одевает на него крестик. Все выглядит так, как при настоящем крещении: те же молитвы читают, вокруг корыта кум и кума ходят...»*. Чаще всего необходимость погружения объяснялась информаторами отсутствием в деревне священника или невозможностью приехать в соседние деревни, в которых действовали храмы. Среди жителей деревень, так же как и у современного православного духовенства, нет единой точки зрения на то, тождественно ли погружение крещению.

Многие обряды белорусских переселенцев уходят корнями в дохристианскую историю восточных славян. Одним из примеров является зафиксированный нами в деревне Ермаки Викуловского района Тюменской области обряд, называемый местными жителями «мокрицей». Описание обряда дает основания сопоставить его с почитанием языческой богини древнерусского пантеона Мокоши и посвященным ей ритуалом, называемым в ряде регионов «мокрида». Информатор Домна Лошкова, 1925 г.р., так описала проводимый у них обряд: *«Когда мы переехали из Жигулей в Осиновку, здесь Мокрицу водили. Делали кудлатую бабу, надевали на нее платье и пели песни. Вели ее в поле, чтобы дождь был. Мокрицу делали из снопа соломы, надевали на нее платье и повязывали платок - делали ей лицо. Насаживали ее на палку и несли, а сзади шли люди и пели песни. Потом мокрицу бросали в воду»*. На сегодняшний день остается до конца не ясным, был ли этот обряд привнесен в Сибирь из Могилевской губернии, откуда были родом основатели деревни, или же он был впоследствии заимствован местными жителями у других групп переселенцев.

На территории Баяндаевского района Иркутской области и Викуловского района Тюменской области достаточно стойкими оказались привнесенные из Белоруссии традиции похоронного обряда. В частности, после похорон и в поминальные дни, такие как Радуница, могильные кресты здесь до сих пор принято обвязывать рушниками.

Обобщая многочисленные жизненные истории потомков белорусских переселенцев, зафиксированные нами в ходе экспедиционных исследований, можно выделить ряд мировоззренческих установок, определяющих принципы сохранения или трансформаций их традиционной культуры в качестве этноментального комплекса. К ключевым факторам, определяющим воспроизводство тех или иных традиций, привнесенных из мест выхода проживающих в Сибири белорусов, можно отнести этническую самоидентификацию. В тех случаях, когда переселенцы осознавали свою инаковость по отношению к новому этнокультурному окружению, они продолжали репродуцировать в своей повседневной жизни многие элементы традиционной культуры, привнесенные из мест выхода. Как уже отмечалось выше, этому обстоятельству способствовали заметные различия в культуре старожилов и переселенцев. Наоборот, в случаях консолидации переселенцев с принимающим этнокультурным окружением (в особенности это было свойственно для городской среды и крупных многонациональных поселков, возникших в результате насильственной коллективизации), их белорусская самоидентификация достаточно быстро утрачивалась, что невольно влекло за собой практически полную потерю последующими поколениями специфического комплекса традиционной национальной культуры.

На фоне тенденций к угасанию передаваемых в семьях из поколения в поколение элементов традиционной культуры, привнесенных из мест выхода предков, сегодня можно проследить новые факторы,

способствующие поддержанию белорусской самоидентификации в местах компактного проживания переселенцев. Они связаны с деятельностью возникших в 1990-е годы в большинстве регионов Сибири белорусских национальных культурных центров и землячеств, в которую входит создание самостоятельных фольклорных коллективов, а также реконструкция народных праздников и обрядов. Так, в ходе проведенного нами опроса многие жители основанной в 1909 году белорусами деревни Тургенева Баяндаевского района Иркутской области отмечали, что от начавшегося «забвения» своих национальных корней их спасла поддержка Иркутского товарищества белорусской культуры им. Яна Черского. На протяжении последнего десятилетия активистами товарищества был предпринят ряд шагов, направленных на возрождение и поддержку белорусского самосознания разных поколений жителей деревни. На въезде в Тургенева был установлен указатель с надписью «Беларуская вёска Тургенеўка», который на сегодняшний день является единственным в Сибири. В деревне был открыт народный музей, посвященный истории и традиционной культуре белорусских переселенцев Баяндаевского района. В средней школе Тургенева введены факультативные занятия по белорусскому языку, которые стали посещать все учащиеся. Также в деревне было создано два фольклорных коллектива - детский «Рушничок» и взрослый «Варенички». Благодаря этим мерам, у детей и молодежи, проживающих в Тургенева, можно отчетливо проследить присутствие белорусской национальной самоидентификации, возрождение интереса к традиционной культуре предков.

Список литературы

1. **Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры.** Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.
2. **Богданович А. Е.** Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: этнографический очерк. М.: ИЦ «Слава!»; ООО «Форт-Профи», 2009. 160 с.
3. **Лобачевская О. А., Федоров Р. Ю.** «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 72-82.
4. **Федоров Р. Ю.** Обряд «Свеча» у белорусских переселенцев в Западной Сибири // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / навук. рэд. А. І. Лякотка. Мінск: Права і эканоміка, 2011. Вып. 10. С. 465-469.
5. **Федоров Р. Ю.** Проблемы этнокультурной идентичности белорусов-самоходов Приишимья // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Мінск: Права і эканоміка, 2009. Вып. 7. С. 349-353.

УДК 81

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «урбанонимия». Автором проанализированы урбанонимы города Казани. Как показал анализ, реальная номинация проявляется не столь широко, по сравнению с символической. В отличие от предыдущих десятилетий, в последние годы автором не отмечено случаев появления в разных населенных пунктах одинаковых названий, что объясняется стремлением отражать в названиях их своеобразие.

Ключевые слова и фразы: урбаноним; ойконим; полисоним; микропоним; мотивация; номинант.

Гульфия Камилловна Хадиева, к. филол. н., доцент
Кафедра современного татарского языка и методики преподавания
Институт филологии и искусств
Казанский федеральный университет
gul-khadieva@yandex.ru

УРБАНОНИМИЯ ГОРОДА КАЗАНИ©

Статья выполнена в рамках исследовательского проекта № 12-04-00188 а.

Одной из не навязанных, а естественных самобытностей любого города является его урбанонимия. Урбанонимия - совокупность урбанонимов - названий внутригородских объектов: улиц, площадей, районов, парков, зданий. Уже само наличие этих названий говорит о том, что они на момент своего появления признавались ценными и продолжают признаваться таковыми, пока существуют. В этом смысле они являются зеркалом истории города и языка народа, который живет в этом городе.

Внешний облик сегодняшнего города Казани сильно отличается от Старой Казани своей архитектурной выразительностью. Новые площади и проспекты, бульвары и парки, кварталы и микрорайоны, улицы и переулки возникли на основе единых градостроительных замыслов. Казань поделена на семь административных районов: Авиастроительный, Вахитовский, Кировский, Московский, Ново-Савиновский, Приволжский, Советский.